

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
Т52

Серия «Толкин : разные переводы»

J.R.R. Tolkien
THE LORD OF THE RINGS

The Fellowship of the Ring
The Two Towers
The Return of the King

*Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd.
under the title The Lord of the Rings*

Перевод с английского А. А. Грузберга

Компьютерный дизайн В. А. Воронина

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Властелин Колец : [трилогия] / Джон Р.Р. Толкин ; [перевод с английского А. А. Грузберга]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 1312 с. — (Толкин : разные переводы).

ISBN 978-5-17-119431-4

Джон Рональд Руэл Толкин (3.01.1892–2.09.1973) — писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета, родоначальник современной фэнтези. В 1937 году был написан «Хоббит», а в середине 1950-х годов увидели свет три книги «Властелина колец», повествующие о Средиземье — мире, населенном представителями волшебных рас со сложной культурой, историей и мифологией.

Существует свыше десятка переводов трилогии на русский язык. В данное издание вошел перевод А. А. Грузберга.

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© The Tolkien Estate Limited, 1954, 1955, 1966

© Перевод, А. А. Грузберг, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Есть Три Кольца для Поднебесных эльфов-королей
И Семь для принцев-гномов в каменистых норах,
Да Девять для бессильных перед смертию людей,
Но Господину Тьмы на Темном троне,
В стране Мордору, куда ложатся Тени, —
Одно Кольцо, чтоб ими управлять,
Одно Кольцо, чтобы их разыскать,
Одно Кольцо, чтоб вместе всех собрать
И в этой полной темноте связать
В стране Мордору, куда ложатся Тени.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	7
Пролог	12

БРАТСТВО КОЛЬЦА

Книга первая	33
Книга вторая	259

ДВЕ КРЕПОСТИ

Книга третья	479
Книга четвертая	697

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Книга пятая	863
Книга шестая	1034

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А	1191
Приложение В	1250
Приложение С	1270
Приложение D	1279
Приложение Е	1296

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это предание возникло в устных рассказах и впоследствии, дополненное множеством экскурсов в еще более древние времена, переросло в историю Великой Войны Кольца. Его создание началось после того, как был написан «Хоббит», но до его первой публикации в 1937 году, однако я не спешил с продолжением, потому что хотел прежде завершить и привести в порядок мифологию и легенды Древних Дней, которые к тому времени складывались уже несколько лет. Я делал это для собственного удовольствия и мало надеялся, что моей работой заинтересуются другие, особенно потому, что по исходному замыслу она была главным образом лингвистической и возникла из необходимости создать языкам эльфов необходимый фон и «историю».

Когда те, чьего совета и мнения я спрашивал, вместо «почти безнадежно» стали говорить «совершенно безнадежно», я вернулся к продолжению, подбадриваемый требованиями читателей побольше рассказать о хоббитах и их приключениях. Но мой рассказ неуклонно и неудержимо углублялся в прошлое и, прежде чем удалось описать юность и зрелость древнего мира, превратился в повествование о его последних днях и гибели. Началось это во время создания «Хоббита», в котором уже упоминались более давние события — Эльронд, Гондолин, высокороджденные эльфы, орки — и, словно непрошенные блики или тени над или под поверхностью, — Дюрин, Мория, Гэндальф, Колдун, Кольцо. Постепенное проникновение в смысл этих имен и названий и их связь с Древней историей прорисовывало Третью Эпоху и ее кульминацию в Войне Кольца.

Те, кто хотел побольше узнать о хоббитах, в конце концов получили желаемое, но ждать им пришлось долго: создание «Властелина Колец» растянулось на тринадцать лет, с 1936 по 1949 год, — у меня тогда было множество обязанностей, которыми я не мог пренебречь, к тому же деятельность преподавателя и лектора отвлекала меня от работы над книгой. Разумеется, эта задержка увеличилась и из-за разразившейся в 1939 году войны: к концу первого военного года я еще не дописал и первой книги. Несмотря на мрачные пять последующих лет, я понял, что не могу совершенно отказаться от своей истории, и продолжал работать, большей частью по ночам, пока не очутился у могилы Балина в Мории. Там я надолго замешкался. Лишь без малого год спустя я возобновил работу и к концу 1941 года добрался до Лотлориена и Великой Реки. В следующем году я сделал первые наброски нынешней третьей книги и начал первую и третью главы пятой книги, а когда в Анориене вспыхнули маяки, а Теоден приехал в Харроудейл, я вновь остановился. Предвидеть будущее оказалось невозможно, а времени для раздумий не было.

В 1944 году, отставив все те порожденные войной неувязки и трудности, с которыми следовало разобраться или по крайней мере доложить о них, я заставил себя взяться за рассказ о походе Фродо в Мордор. Эти главы, постепенно выраставшие в книгу четвертую, по частям отсылались моему сыну Кристоферу, служившему тогда в британских ВВС в Южной Африке. Тем не менее потребовалось еще пять лет, чтобы подвести историю к ее теперешней развязке; за это время я успел сменить дом и работу, и мои дни, хоть и не столь безрадостные, оставались не менее напряженными. Затем, когда наконец был достигнут «финал», всю историю потребовалось перечитать и очень серьезно переработать в ретроспективе. К тому же ее нужно было напечатать — и перепечатать. Я делал это сам: мне не на что было нанять профессиональную машинистку.

С тех пор, как десять лет назад «Властелин Колец» наконец-то вышел из печати, его прочли многие, и здесь мне хочется выразить свое отношение к бесчисленным отзывам и предложениям касательно этой истории, ее героев и побуждений автора. Главным побуждением было желание сказочника испробовать свои силы в по-настоящему длинной сказке, которая удерживала бы внимание читателей, развлекала их и доставляла радость, а по-

рой, быть может, волновала и глубоко трогала. Путеводной звездой мне служили лишь собственные представления о том, что считать притягательным или трогательным, хотя известно, что это ненадежный ориентир. Нашлись такие, что прочли или по меньшей мере пролистали книгу и нашли ее скучной, нелепой или не стоящей внимания, и тут мне не на что пожаловаться, поскольку сам я такого же мнения об их трудах (или о той литературе, которой они, по всей видимости, отдают предпочтение). Но даже с точки зрения тех (а таких немало), кому моя книга понравилась, в ней немало недостатков. Вероятно, создавая длинную сказку, невозможно в равной мере угодить или не угодить всем читателям: из полученных писем я понял, что те отрывки или главы, которые одни мои читатели считают слабыми, другим очень нравятся. Наиболее критически настроенный читатель — я, автор, — видит теперь множество изъянов, больших и малых, но так как, к счастью, я не обязан переделывать или переписывать книгу, он оставляет их без внимания — кроме одного, помеченного другими: книга слишком коротка.

Что касается глубинного смысла или «подтекста», автор их не задумывал вовсе. Эта книга — не иносказание и писалась не на злобу дня. Сказка росла, пускала корни (в прошлое), выбрасывала неожиданные ростки, но стержнем сюжета оставался неизбежный выбор Кольца в качестве связующего звена между нею и «Хоббитом». Ключевая глава, «Тень прошлого», — одна из самых первых созданных мною глав повествования, написанная задолго до того, как зловещие предчувствия 1939 года превратились в угрозу неизбежной катастрофы. Если бы катастрофу удалось предотвратить, сюжет развивался бы далее в сущности по тем же линиям. Истоком моей сказки было давно задуманное, а отчасти и уже написанное, и грянувшая в 1939 году война почти, а может быть, и ничего не изменила — равно как и ее последствия.

Ни ход, ни последствия настоящей войны ничем не напоминают убоицы из преданий. Если бы она вдохновляла или направляла развитие сюжета, то Кольцо, несомненно, присвоили бы и обратили против Саурана; сам Саурон был бы не уничтожен — поработен, а Барад-Дур не разрушен, а захвачен. Не сумевший завладеть Кольцом Саруман среди суматохи, измен и предательств военного времени нашел бы в Мордоре недостаю-

щие сведения и вскоре, создав собственное Великое Кольцо, бросил бы вызов самозваному правителю Средиземья. В этой борьбе обе стороны возненавидели бы хоббитов, и те недолго просуществовали бы даже на положении рабов.

С точки зрения любителей аллегорий или злободневных со-ответствий, можно было бы внести и другие изменения. Но я терпеть не могу иносказаний во всех их проявлениях и, сколько себя помню, всегда относился к ним так же — с тех пор, как достаточно повзрослел, чтобы научиться их выявлять. Я предпочитаю истинную или выдуманную историю во всем многообразии ее возможных приложений к мнению и опыту читателя. Мне кажется, что многие смешивают «приложимость» с «иносказательностью». Но первая не ограничивает свободу читателя, в то время как вторая провозглашает намеренное господство автора.

Автор, конечно, не может оставаться полностью вне сферы пережитого, но пути, какими зародыш рассказа использует почву опыта, крайне сложны, и попытки понять этот процесс в лучшем случае сводятся к догадкам, основанным на опыте — неадекватном и туманном. Ложны, хотя и естественно-притягательны, и предположения, что, если жизни автора и критика протекают в один период времени, то самое сильное влияние на сюжет непременно оказывает общий для обоих ход мысли или событий. Поистине нужно самому оказаться в тени войны, чтобы в полной мере прочувствовать, как это тягостно, но годы идут — и часто забываешь, что, застигнутый в юности войной 1914 года, испытал не меньшее потрясение, чем в военных 1939 и последующих годах. К 1918 году все мои близкие друзья, за исключением одного, были мертвы. Или возьмем другой, менее прискорбный случай: кое-кто предположил, что в «Очищении Ши́ра» отображено положение дел в Англии того периода, когда я заканчивал свою сказку. Это неверно. «Очищение Ши́ра» — существенная часть замысла, намеченная с самого начала, хотя и несколько измененная в соответствии с разработкой линии Сарумана, но лишенная какого бы то ни было аллегорического значения или злободневных переключек с политическими событиями. Да, этот фрагмент отчасти связан с действительностью, но лишь отчасти (экономические ситуации коренным образом отличались). Места, где я провел детство, обеднели еще к той поре, как мне стукнуло де-

сять, — автомобили тогда были редкостью (я не видел ни одного), а пригородные железные дороги только строились. Недавно в газете мне попался снимок мельницы у пруда, когда-то казавшейся мне огромной, — она вконец обветшала, хотя была крепкой и ладной. Молодой мельник мне никогда не нравился, а его отец, Старый Мельник, носил черную бороду, так что Рыжим его не называли.

ПРОЛОГ

1. Касательно хоббитов

Речь в этой книге пойдет главным образом о хоббитах, и ее страницы много расскажут читателю об их нраве, но мало — об их истории. Более подробные сведения можно почерпнуть в извлечениях из «Красной Книги Западных Границ», опубликованных под названием «Хоббит». Эта история выросла из первых глав «Красной Книги», составленных самим Бильбо, первым хоббитом, получившим известность в Большом Море, и названных им «Туда и обратно», так как там говорится о его путешествии на Восток и о возвращении — о приключении, которое много лет спустя вовлекло всех хоббитов в великие события, описанные ниже.

Многие, однако, пожелают больше узнать об этом народе — и с самого начала, но не у всех есть первая книга. Для таких читателей мы приводим основные сведения из «Сказаний о хоббитах» и кратко излагаем первое приключение.

Хоббиты — скромный, но очень древний народ, более многочисленный встарь, чем ныне, ибо они любят мир, спокойствие и хорошо возделанную землю: больше всего им по вкусу селиться на ухоженной и тщательно обработанной земле. Они не понимали, не понимают и не любят машин сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или ручного ткацкого станка, хотя искусны в обращении с инструментами. Даже в Древние Дни хоббиты, как правило, сторонились «рослого народа», то есть нас, а теперь в страхе избегают людей, и отыскать хоббита стало трудно. У них

тонкий слух и острое зрение, и хотя хоббиты склонны к полноте и не любят ненужной спешки, они тем не менее проворны и ловки в движениях. К тому же они с незапамятных времен наделены умением быстро и бесшумно скрываться, если вздумается избежать встречи с неуклюже бредущим человеком, и так его развили, что людям тут может померещиться колдовство. Однако в действительности хоббиты никогда не занимались колдовством, и их неуловимость — лишь плод передающегося по наследству и развитого на практике искусства да еще тесной дружбы с природой, которая воздает им так щедро, что более рослые и неуклюжие племена и представить себе не могут.

Хоббиты — маленький народ. Они меньше гномов (не столь крепки и коренасты), но ненамного ниже их ростом, который по нашим меркам разнится от двух до четырех футов. В наши дни хоббиты редко дорастают до трех футов, но сами они утверждают, что измельчали и что в старину были выше. Согласно «Красной Книге», Бандобрас Тук по прозвищу Бычий Рев, сын Исенгрима Второго, был ростом четыре фута пять дюймов и мог ездить верхом на лошади. По преданию, его переросли лишь два славных хоббита древности — о них речь впереди.

Что касается хоббитов из Ши́ра, о ком повествуют эти сказания, то в дни мира и процветания это был веселый народ. Одевались они ярко, отдавая предпочтение желтому и зеленому цветам, а обувь носили редко (кожа на подошвах у хоббитов толстая и жесткая, а ступни поросли густым вьющимся волосом, почти таким же, как на головах, — обыкновенно каштановым). Поэтому единственным мало распространенным среди них ремеслом было сапожное дело. Впрочем, длинные, ловкие хоббичьи пальцы умели создавать множество иных полезных и красивых вещей. Лица у хоббитов были скорее добродушные, чем красивые: широкие, яркоглазые, краснощекие, со ртами, созданными для смеха, еды и питья. И хоббиты ели, пили и смеялись часто и с охотой, любили простые незамысловатые шутки и не прочь были кушать шесть раз на дню (когда удавалось). На редкость радушные и гостеприимные, они любили приемы и подарки — охотно их делали и с большой радостью принимали.

Вполне понятно, что, несмотря на последующее отчуждение, хоббиты — наши родичи: они гораздо ближе к нам, чем эльфы или даже гномы. С Древних Дней говорили они на человеческих

языках, хоть и непонятных, и любили и не любили все то же, что и люди. Но историю наших взаимоотношений невозможно установить точно. Корни хоббитов затеряны в самой глубине Древних Дней, ныне забытых. Только эльфы еще хранят предания тех минувших времен, но и там говорится главным образом об истории самих эльфов, люди упоминаются редко, а хоббиты совсем не упоминаются. Впрочем, ясно, что хоббиты давно и спокойно жили в Средиземье еще до того, как о них узнали прочие племена. А поскольку мир полон странных существ, коим несть числа, на этот маленький народец обращали очень мало внимания. Но в дни Бильбо и его наследника Фродо хоббиты, вопреки своему желанию, стали внезапно важными и известными и потревожили умы Мудрых и Великих.

Те дни, Третья эра Средиземья, давно миновали, и границы всех земель изменились, но хоббиты тогда жили, несомненно, там же, где и нынче: на северо-западе Старого Мира, к востоку от Моря. Сведений о своей прародине хоббиты ко времени Бильбо не сохранили. Они не грешили любовью к науке (за исключением генеалогических изысканий), хотя в самых старых семьях попадались единицы, изучавшие книги своего народа и даже старавшиеся разузнать у эльфов, гномов и людей что-нибудь о Древних Днях и отдаленных землях. Собственную летопись хоббиты начали лишь после переселения в Шир, и даже самые старинные легенды не касались времен более давних, чем Дни Странствий. Однако из этих легенд, а также из некоторых диковинных слов и обычаев ясно, что в далеком прошлом хоббиты, подобно многим другим народам, совершили большой переход на Запад. В самых ранних их сказаниях как будто бы прослеживаются намеки на то, что прежде они жили в верховьях Андуина, между опушкой Великого Зеленого Леса и Мглистыми горами. Почему они впоследствии предприняли долгий и опасный переход через горы в Эриадор, сейчас уже неизвестно. В преданиях хоббитов говорится, что племя людей в их земле умножилось, а лес окутала тень, отчего он стал мрачным и получил новое название — Мерквуд, Лес Мрака.

Еще до перехода через горы хоббиты разделились на три обособленные ветви: харфутов, стуров и феллоухайдов. Харфуты

смуглее прочих, они меньше ростом и безбородые. Руки и ноги у них маленькие, проворные, башмаков харфуты не носят, а жить предпочитают в высокогорьях и на склонах холмов. Стуры шире, крепче, ноги и руки у них больше. Они предпочитают равнины и берега рек. У феллоухайдов самые светлые кожа и волосы, они выше и стройнее других и любят жить в лесах.

В Древние Дни харфуты, которые вели разнообразные дела с гномами, долго жили в холмистых предгорьях. Они рано двинулись на Запад и кочевали по Эриадору и окрестностям Ветрения, когда другие еще жили в Диких землях. Это типичнейшие хоббиты — и самые многочисленные. Они больше прочих склонны к оседлой жизни и дольше прочих придерживались дедовского обычая жить в туннелях и норах.

Стуры населяли берега Великой Реки Андуйн и меньше чуждались людям. Вслед за харфутами и они двинулись на запад и по течению реки Шумной ушли на юг; прежде чем опять перебраться на Север, многие из них долго жили между Тарбадом и границами Дунленда.

Феллоухайды, самые малочисленные из хоббитов, представляют северную ветвь. Они дружнее с эльфами, чем остальные хоббиты, более искусны в речах и пении, чем в ремеслах, и охоту издавна предпочитают возделыванию земли. Пришли они из-за гор, перебравшись через них севернее Ривенделла, спустились по реке Индевелой и вскоре смешались в Эриадоре с другими, пришедшими раньше, а поскольку были смелее и более склонны к приключениям, нередко становились вождями и предводителями кланов харфутов и стуров. Даже во времена Бильбо в знаменитых семьях вроде Туков и баклендских Мастерсов было заметно сильное влияние феллоухайдов.

В западной части Эриадора, между Туманными горами и горами Луне, хоббиты застали эльфов и людей. И верно, там еще жили последние из дунаданов, повелителей людей, пришедших с запада, из-за Моря, но их число быстро сокращалось, а земли Северного королевства стремительно приходили в запустение. Места там хватало и для пришлых, и вскоре повсюду начали возникать общины хоббитов. Ко времени Бильбо большая часть первых поселений давно исчезла с лица земли и из памяти; впрочем, одно из самых старых и значительных сохранилось, хоть